

ЖИЗНЬ АНАТОМИИ

Если долго тереть рукой лоб, то искры из глаз не посыпятся. Но видеть и слышать начнешь иначе. Предметы превратятся в пятна. Лоб станет не высоким или низким, а шуршащим. Ему начнет подпевать пчела, поддакивать швейная машинка, подмахивать вентилятор. Наметься сговор смычковых и щипковых, шипящих и журчащих. Не покидая комнаты, можно очутиться в другом мире, лишь бы рука не устала. Прежде это удавалось только в детстве, когда в отсутствие бабушки можно было примерить ее очки, а в пустой спичечный коробок вселить сразу двух майских жуков и прижать коробок к уху.

В разные отрезки жизни видишь то одну, то другую ее сторону. Например, в юности, целуясь, вдруг понимаешь, что жизнь - это влага. В бабушкиных очках, с прижатым к уху спичечным коробком или на просмотре фильма братьев Квей "Репетиции вымерших анатомий"* понимаешь, что жизнь - это смазанное пятно, погруженное в шорох. Для трущобы лоб жизнь - это шелест, это фрикция, это вибрация. У всякого пятна и пятнышка есть свои крылья или крылышки. Чешуйки скребутся в перепонки. Если вывернуть наизнанку мячик, то выпрыгнет пружинка. Шестерни цепляются друг за друга, чтобы, не дай бог, время не остановилось. Цикады, штыри, шпули звучат во имя жизни. Где любовь, там и фрикция. И если лба нет, то три хотя бы полу пиджака. Иначе не докажешь факта собственного существования. Если у жизни и есть анатомия, то это анатомия пружинок.

Итак, о чем же черно-белая ленточка братьев Квей, длиной в пятнадцать минут? О теннисном зайчике, солнечном шарике, пенисном лучике, снующем в районе промежути. Читая любимые стихи, порываешься вставить в них слово или строчку. Но, взглядевшись, видишь: это слово или строчка там всегда стояли. С ленточкой проще: она с глаз долой. Так что после смело можешь сказать: "Что ж вы, братья, проморгали? Надо было фильм делать про букву "ш" в слове "шарманка", букву "ч" в слове "виолончель", букву "ж" в слове "жук".

* "Репетиции вымерших анатомий", братья Квей, 1988 г., Великобритания.